

МОЙ ОПЕР

Тайта держит след

АННА СОРОКА

СОНЯ МИРОНОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

содержит
нецензурную брань

18+

Соня Миронова

Мой опер. Тайга держит след

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой опер. Тайга держит след / С. Миронова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я, журналистка Дарья Романова, ехала в тайгу за громким репортажем. Теперь за мной охотятся вооружённые старатели, а главное доказательство их преступлений — карта памяти, которую нельзя отдать даже ценой собственной жизни. Из трясины меня вырывает капитан уголовного розыска Аркадий Мельников. Суровый опер, верный пёс и бескрайний лес — вот всё, что отделяет меня от преследователей. Он умеет читать следы, переносит меня через ледяные ручьи и не оставляет даже тогда, когда я сама готова сдаться. Рядом с ним впервые хочется не спорить, а прижаться ближе. Но я не согласна быть только спасённой: мы должны вынести из тайги правду. И чем дороже мне становится этот мужчина, тем страшнее следующий выстрел.

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анна Сорока

Мой опер. Тайга держит след

Мой опер. Тайга держит след
Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Ледяная торфяная жижа чавкнула под подошвой, и я провалилась сразу выше щиколотки.

Холод не просто обжёт — он вонзился в ступню сотней тонких игл, мгновенно прошив кожаный берец и два слоя шерстяного носка. В висках тяжело, глухо стучала кровь, отдаваясь во рту горьким привкусом перехваченного дыхания. Отец всегда повторял мне, когда брал девчонкой в дальние обходы Чернореченского заказника: *«Запомни, Даша, тайга паники не прощает. В болоте не дёргайся, не рви жилы — переноси вес мягко, как рысь ступает, ищи взглядом корень, а не мох»*. Но сейчас под ногами не было сухого мха. Вокруг расстилалась гиблая осенняя марь урочища реки Чёрной — чёрная, гниющая вода, припорошенная первым колючим снегом, редкие облезлые карликовые берёзки да корявые кочки, готовые уйти в бездну от малейшего неосторожного нажима.

Я судорожно вцепилась обеими руками в тонкий, узловатый ствол карликовой берёзы, торчавший на краю промоины. Стволик был не толще моего запястья, скользкий от ледяной мороси. Закусив губу до солоноватого привкуса крови, я попыталась плавно подтянуться, вызволяя завязшую правую ногу из хлюпающего ила.

Сухой, хрусткий треск разорвал морозную тишину.

Берёзка, чьи корни намертво вмёрзли в коварный торфяной наст, лопнула у самого основания. Я охнула, потеряв точку опоры, и с размаху осела в чёрную болотную кашу уже по самое колено. Вода хлынула поверх голенища, ледяным обручем стянув ногу до судороги. От резкой боли перехватило горло, но закричать я не посмела.

Где-то позади, метрах в ста пятидесяти за полосой чахлого тальника, гулко хрустнул валежник. Донеслись хриплые, злые голоса:

— Сюда она метнулась, сука городская! Гляди под ноги, Рябой, тут кочкарь сплошной! — орал Сиплый — Григорий, правая рука Косого. Рябой — подручный Николай — тяжело сопел следом.

— Живьём брать велено, пока флешку с фото не вытрясем!

Сердце сжалось в ледяной комок и заколотилось о рёбра с удвоенной силой. Пальцы онемели настолько, что я почти не чувствовала тонкого ремешка на шее. Там, под распахнутым воротом промокшей штормовки, лежал герметичный титановый кофр размером чуть больше спичечного коробка. В нём хранилась карта памяти «SanDisk Extreme PRO» — сорок гигабайт снимков нелегального золотого прииска, гигантские промоины карьера, ржавые драги, вооружённые головорезы и лица тех геологов из партии Седых, которых числили «пропавшими без вести». Я, Дарья Алексеевна Романова, корреспондент районной газеты «Северная новь» и дочь покойного охотоведа Чернореченского заказника Алексея Романова, твердо знала: если кофр достанется им, живой из этой тайги я не выйду. Да и мёртвой меня никто не найдёт — трясина затянет за пару часов, а к утру первый сибирский буран сравняет кочки ровной белой пеленой.

Прикусив ремешок зубами, чтобы футляр не болтался, я лихорадочно потянулась к обломанной листовенничной ветке. Нужно было во что бы то ни стало замести глубокую вмятину, оставленную моим коленом в рыжем сфагнуме. Пальцы сводило судорогой, они сделались деревянными, непослушными. Сгребая мерзлую хвою вперемешку со снегом, я закидывала след, когда кончики пальцев вдруг наткнулись на что-то твёрдое, угловатое и холодное, глубоко вдавленное во влажную подстилку.

Металл.

Я смахнула мокрый мох. На ладонь легла стреляная гильза бутылочной формы — калибр 7.62x39 мм. Я машинально перевернула её к тусклому свету свинцового неба: капсюль был наколот грубо, наискось, а на донце виднелась глубокая борозда. Откуда она взялась, предстояло выяснить экспертам. Здесь, на пути людей Косого, такая находка могла оказаться важной. Я торопливо сунула тяжёлую гильзу в карман куртки, сжав её заледеневшими пальцами как вещественное доказательство их зверств.

Сзади захлюпала вода. Шаги приближались.

Я оттолкнулась здоровой ногой, выдернула застрявший сапог из чмокающей топи и буквально вжалась спиной в неглубокую промоину за поваленным стволом векового кедра. Мишистая кора кедра пахла горькой смолой и старой гарью. Я натянула плотный брезентовый воротник куртки до самых глаз, боясь выдать себя паром собственного судорожного дыхания. Воздух обжигал бронхи, снежная крупа покалывала щёки, застревая в ресницах.

Вдруг чащу прорезал ослепительно-белый, хищный луч мощного светодиодного фонаря.

Свет скользнул по кривым ветвям тальника, выхватил чёрную пасть болотного омута и замер на низко свисающем суку лиственницы в трёх шагах от моего укрытия. На колючей ветке, трепеща от порывов ветра, ярким ядовитым пятном алел лоскут моего вязаного шерстяного шарфа. Я машинально коснулась шеи — шарф сорвало, когда я продиралась сквозь ерник, а я в панике даже не заметила.

— Рябой, сюда свети! — гаркнул сиплый голос совсем близко, так что у меня зазвенело в ушах. — Вон её тряпка висит! Здесь эта сучка кружит!

Из кустов показалась плотная фигура в грязном маскировочном ватнике. В руках бандита хищно ворочался укороченный карабин «Сайга». Он вскинул оружие к плечу, целясь прямо в заросли кедрового стланика, где я лежала, замерев и почти перестав дышать. Ещё секунда — и он нажмёт на спуск, веером полоснув свинцом по валежнику.

Отец учил меня: *«Зверь всегда бьёт туда, где движение. Обмани его глаз»*.

Не раздумывая, я нащупала под рукой увесистый ком мёрзлого торфа с вмёрзшим булыжником и изо всех сил метнула его в сторону — через голову, в дальний береговой омут.

Тяжёлый плюх разорвал тишину заводи.

Рябой дёрнулся всем корпусом на всплеск и, сорвавшись на матерный лай, нажал на крючок. Автоматная очередь вспорола промозглый воздух. Грохот выстрелов ударил по ушам, эхо покатилося по распадкам сопок, срезанные пулями ветки ольхи дождём посыпались в воду. Стреляя вслепую, он полностью выдал своё укрытие и на мгновение ослеп от дульного пламени.

Но в ту же секунду с другой стороны — справа, прямо по старым замшелым следам через трясину — вынырнула вторая тень. Второй бандит, Сиплый, с перекошенной щетинистой мордой и сплюснутым носом, бесшумно обошёл кедр с фланга. В его руках блеснул вороненый металл двуствольного обреза. Он вскинул стволы прямо мне в лицо, ослабившись гнилыми зубами:

— Попалась, птичка... А ну бросай сумку, сука, или башку разнесу к едрене фене!

Бежать было некуда. Сзади зияла чёрная бездна незамерзающей трясины. Страх отступил — во мне вскипела слепая, клочущая ярость. Слишком много зла я видела за эти дни, чтобы умолять о пощаде.

Я выхватила из бокового кармана длинный гранёный стальной колышек для палатки с заострённым концом, сжала его обеими руками и выдохнула прямо в лицо бандиту:

— Не подойдёшь, тварь! Попробуй сунься!

Палец Сиплого начал вдавливать спусковой крючок обреза. Время замерло: я видела мелкие капли пота на его лбу, ощущала запах дешёвого табака и перегара, видела чёрные зрачки двух стволов, наведённых мне между глаз...

И в этот миг из непроглядного мрака таёжной чащи, без единого лая, без предупреждающего рыка, в едином сокрушительном прыжке вылетела гигантская серо-пепельная тень.

Служебная восточноевропейская овчарка Гром сшибла Сиплого широкой мускулистой грудью в сокрушительном полёте. Бандит захрипел, обрез грохнул в небо, осыпая мерзлую траву искрами пороха, и боевик кубарем полетел в ледяную жижу омута под свирепый, глухой рык зверя, сомкнувшего челюсти на рукаве его ватника.

А следом за псом, сметая молодые берёзки могучим плечом, на поляну вырвался мужчина.

Высокий, широкоплечий, в мокрой тёмно-зелёной брезентовой штормовке офицерского кроя, из-под которой виднелся ворот камуфляжной куртки. Его лицо — жёсткое, обветренное, с резкими скулами и двухдневной тёмной щетиной — было точно высечено из таёжного гранита. Вскинутый к плечу самозарядный карабин СКС замер как продолжение его сильных рук. Стальные серые глаза полоснули по кустам, и низкий, раскатистый бас, от которого задрожали сосны, прогремел как удар набата:

— Оружие на землю! Полиция! Стреляю на поражение!

Рябой у разбитой берёзы судорожно рванул затвор «Сайги», пытаясь развернуть ствол в сторону нападавшего.

Он не успел. Опер стрелял без зазора, на опережение.

Хлёсткий, сухой выстрел карабина расколол морозный воздух. Пуля выбила оружие из рук Рябого, карабин отлетел на три метра в трясину, а сам бандит с воем повалился в валежник, зажимая пробитое предплечье.

Мужчина даже не посмотрел на поверженного врага. Сбросив на ходу ремень карабина за спину, он в три широких, невероятно мощных шага преодолел засасывающую марь. Его берцы с хрустом ломали наст.

— Держись, девочка! Держись за меня! — крикнул он, и этот голос прозвучал для меня как самая надёжная защита во всей вселенной.

Он шагнул в жижу выше колена, не обращая внимания на ледяную воду, перехватил мой заledenевший локоть и буквально вырвал меня из чмокающей бездны. Прежде чем поднять меня, его свободная рука метнулась к ветке лиственницы — одним скупым движением он сорвал приметный алый лоскут моего шарфа и сунул его в глубокий внутренний карман куртки:

— Шарф твой забрал, следов зверью не оставляем.

Затем его сильные, горячие руки обхватили меня под мышки. С натужным хлопаньем болото неохотно отпустило мои ноги. Одним мощным, плавным рывком он поднял меня в воздух и вынес на сухое гранитное ребро увала. На мгновение я оказалась прижата к его широкой груди. Сквозь мокрый брезент до меня донеслось размеренное, бешеное биение его сердца, густой запах кедровой смолы, пороховой гари и мужской первобытной силы. Страх отступил, уступив место какому-то пронзительному, звенящему облегчению.

Но перевести дух нам не дали.

В глубине старой лесовозной просеки, ломая вековые лиственницы и сотрясая стылую землю, глухо и страшно взревел тяжелый дизельный двигатель. Из зарослей выползал железный монстр.

Глава 2

— Мельников, уголовный розыск! Аркадий! Как тебя зовут?

— Даша!

— В укрытие, живо! — Капитан Аркадий Николаевич Мельников не просил — он действовал мгновенно, как отлаженный боевой механизм.

Его тяжелая рука легла мне между лопаток, толкая вниз, и я кубарем скатилась в глубокую каменистую расщелину за гигантский замшелый валун, стоявший у самого уреза береговой протоки. Сам он в то же мгновение скользнул следом, закрыв меня своим телом от открытого пространства. Овчарка Гром с глухим урчанием вжалась у наших ног, шерсть на её загривке стояла дыбом.

Из стены тайги, круша в щепу молодой подлесок, на берег вывалилась многотонная громада — тяжелый кустарно бронированный болотоход на широких гусеницах. На его сварной рубке тускло блестели наклёпанные листы котлового железа, а из амбразуры торчал длинный ствол пулемета. В ту же секунду по нашему валуну хлестнула длинная пулеметная очередь.

Звук попаданий был оглушительным. Пули впивались в гранитный лоб скалы, выбивая тучи каменной крошки и раскаленных брызг. Мелкие осколки брызнули мне в щёку, оцарапав кожу до крови, но я даже не вскрикнула. Аркадий навалился сверху, прижимая мою голову к земле, и его широкое плечо полностью экранировало меня от смертоносного рикошета.

На крыше броневика вспыхнули две мощные ксеноновые фары-искатели. Слепящие белые лучи вонзились в расщелину, заливая всё вокруг мертвенным светом и не давая поднять глаз.

— Выходи, Мельников, пададь легава! — взревел из чрева броневика Иван Косарев по кличке Косой, беглый главарь нелегальных старателей, через хриплый мегафон. — Обоих под гусеницы пушу, в фарш раскатаю! Отдавай девку с флешкой, и сдохнешь быстро!

— Косой... — сквозь сжатые зубы процедил Аркадий, и его челюсти свело так, что на скулах заходили желваки. Он осторожно приподнял карабин, выцеливая амбразуру, но яркий свет слепил оптику.

Я прижалась к холодному граниту, часто и прерывисто дыша. Глаза резало от света, но через узкую щель между двумя камнями у самой земли мне открылся нижний контур машины. Я заметила то, чего опер сверху видеть не мог: слева под стальным навесом, прикрывавшим моторный отсек, бешено крутился незащищенный шкив генератора, и от него тянулись толстые пучки проводки прямо к фарам.

— Аркадий! — крикнула я ему прямо в ухо, перекрывая грохот мотора. — Не стреляй в лоб! Слева за катком, над третьим траком — там генератор и проводка фар ничем не закрыты! И люк у них из котельного железа, тонкий!

Мельников бросил на меня быстрый, острый взгляд, в котором на долю секунды вспыхнуло удивление, мгновенно сменившееся абсолютным доверием:

— Понял тебя, умница! Держись за мной!

В этот момент десантная дверь болотохода распахнулась. Двое подручных Косого в камуфляже выскочили на мерзлую гальку и бросились вброд через неглубокую протоку, пытаясь обойти наш валун справа и взять нас в перекрёстный огонь.

Аркадий скользнул взглядом по карабину.

— Четыре осталось. Ещё до тебя пришлось отстреливаться, — процедил он.

Ни одного лишнего движения.

Он вытащил из ножен на поясе тяжелый охотничий нож в кожаном чехле и сунул мне в руку:

— Если прорвутся — бей снизу вверх, под ребра. Гром, фланг!

Пес беззвучно метнулся к правому краю камня, готовясь к прыжку. Аркадий же, дождавшись, пока сапоги нападавших заплещут по открытой воде переката, плавно выдвинул ствол из-за уступа.

Два сухих, методичных выстрела грянули с интервалом в полсекунды.

Оба боевика с истошными криками повалились в бурлящую воду — пули Мельникова снайперски раздробили им коленные суставы, лишив возможности двигаться. Течение реки подхватило их и поволокло на перекат.

— Ах ты ж волчара! — взвыл Косой.

Дизель броневика взревел на предельных оборотах, из выхлопной трубы повалили клубы черного удушливого дыма. Главарь врубил пониженную передачу и направил многотонную стальную громаду прямо на наш валун. Он решил не тратить патроны — он шёл тараном, намереваясь сокрушить скалу массой машины и раздавить нас в лепешку.

Земля под нашими телами заходила ходуном. Вековые сосны трещали, ломаясь под гусеницами. Стальная стена надвигалась: пять метров, четыре, три... Я почувствовала, как Аркадий обхватил меня за талию, готовясь в последний миг выдернуть из расщелины под пули, лишь бы не дать расплющить нас о гранит.

И тут раздался звук, похожий на пушечный выстрел.

Тяжелая правая гусеница вездехода с жутким скрежетом проломила мерзлый настил из бревен, скрывавший заброшенный шурф старых старательских выработок. Многотонный болотоход клюнул носом, резко накренился на правый борт и с оглушительным лязгом рухнул днищем прямо на острые гранитные глыбы промоины. Гусеницы беспомощно завертелись в воздухе, вздымая фонтаны черной грязи. Монстр намертво сел на брюхо.

Дверца кабины со стороны водителя с грохотом распахнулась. Косой, ошалевший от удара, высунулся наружу с пистолетом, беспорядочно паля в нашу сторону. Пули со свистом зацелкали по скале прямо над головой Мельникова.

Я опустила взгляд на мокрую траву у края валуна. Там, в полутора метрах от меня, лежал выпавший из сорванного ящика броневика брезентовый подсумок. Из расстегнутого клапана торчали толстые картонные гильзы с красными колпачками — влагостойкие охотничьи фальшфейеры высокой температуры горения.

Не раздумывая ни секунды, не слушая крика Аркадия, я перегнулась через край расщелины, подцепила подсумок обломанной березовой слегой и рывком подтянула его к себе.

— Факелы! — задыхаясь, крикнула я, протягивая связку оперу.

На губах Аркадия мелькнула хищная, злая усмешка.

— Вот это по-нашему, Даша!

Он зубами сорвал защитный колпачок с первого фальшфейера, с силой чиркнул тёркой о воспламенитель и швырнул ослепительно шипящую, брызжущую белым магниевым огнем

ракету прямо под накренившийся борт вездехода — туда, где из пробитого топливного бака широкой радужной лужей хлестала солярка.

Вспышка была чудовищной силы. Стена ревущего оранжевого пламени взметнулась на три метра ввысь. Жар мгновенно опалил нам лица. Едкий, черный дым горящего дизельного топлива плотным саваном накрыл протоку, отрезая нас от бандитов. Из горящего чрева машины с проклятиями и воплями посыпались уцелевшие боевики, спасаясь от взрыва боекомплекта.

— Уходим! — Аркадий рывком поднял меня на ноги. Одной рукой он прижимал к себе карабин, другой крепко держал меня за пояс, буквально неся над мерзлыми камнями.

На том берегу протоки сквозь треск огня доносился исступленный рев Косого в рацию:

— Всем бортам! Перекрыть все просеки к Волчьей Гриве! Живыми не выпускать!

— Не туда, — выдохнула я, цепляясь за его штормовку и указывая в сторону непролазного кедрового стланика. — Там лесовозка, там они перехватят. Сюда, Аркадий! За осыпью старая лосиная тропа, отец водил меня по ней. Там камни, следов не останется!

Мельников ни на секунду не усомнился в моих словах. Мы нырнули в черную густую чащу ельника, оставив за спиной полыхающий костер разбитого болотохода.

* * *

Мы бежали по каменистому гребню уже минут десять, когда я внезапно споткнулась. Рука машинально метнулась к груди — туда, где под курткой должен был висеть титановый кофр.

Под пальцами была пустота. Оборванный шнурок кофра торчал из-под воротника — его перебила пуля или срезал острый край валуна.

Холодная волна ужаса прокатилась по спине, заставив меня замереть на месте.

— Стой... Господи, Аркадий, стой! — задыхаясь, крикнула я, хватая его за рукав.

Мельников резко обернулся, карабин смотрел в землю, глаза мгновенно оцепили периметр:

— Что случилось? Ранена?

— Флешка... — мой голос сорвался на хриплый шепот. — Кофр сорвался. Там, у валуна, когда мы брали фальшфейеры! Я выронила его у протоки!

Аркадий нахмурился, в его глазах блеснула суровая сталь:

— Нельзя возвращаться, Даша! Болотоход горит, туда сейчас стянутся все их дозоры с карьера. Жизнь дороже любых железок! Уходим к заимке, я сам доведу тебя до отдела!

— Нет! — я упёрлась ногами в каменистый мох, глядя ему прямо в глаза и не отступая ни на миллиметр. — Ты не понимаешь! Там не просто фотографии! Там ведомости поставок золота, фамилии их людей в прокуратуре и снимки расстрелянных рабочих партии Седых! Если кофр сгорит или достанется Косому — всё было зря! Все смерти, вся эта кровь! Без этих доказательств мы для них просто беглые трупы, а они откупятся! Я не уйду без них!

Опер замер. В полутьме наступающих сумерек я видела, как напряглись мышцы его челюсти. Он смотрел на меня не как на испуганную девчонку из города, которую нужно тащить на себе, а как на бойца, вставшего с ним плечом к плечу.

— Сумасшедшая, — тихо, но с глубоким уважением выдохнул он. — Ладно. Но идёшь за мной след в след. Если скажу «лечь» — падаешь в грязь и не дышишь. Поняла?

— Поняла.

Мы бесшумно, точно две тени, скользнули обратно к тлеющей протоке. Впереди стелился густой, вонючий дым от горящих покрышек и солярки. Овчарка Гром шла впереди с опущенной мордой, чутко прядая ушами. У вывороченного пня в двадцати метрах от берега Аркадий придержал меня за плечо:

— Гром, сторожи.

Пёс застыл как изваяние, слившись с черными корнями. Аркадий вскинул СКС, прикрывая сектор берега, а я опустилась на четвереньки и поползла сквозь стелющийся чад к нашему недавнему укрытию.

Глаза нещадно слезились от копоти, в горле першило. Вокруг валуна всё было перепаханно осколками камня и гильзами. В пяти шагах догорал остов болотохода, время от времени взрываясь лопающимися траками.

Вдруг сквозь дымную пелену я различила слабый матовый отблеск.

Титановый футляр лежал всего в полуметре от горящего резинового патрубка, прямо на обугленном бревне береговой крепі. Металл корпуса раскалился, от него шёл едва заметный пар. Дотянуться рукой было невозможно — жар обжигал лицо даже через мокрый рукав.

Я стиснула зубы, подобрала длинный сырой сук и резким, точным движением сшибла кофр в ледяную воду заводи. Раздалось шипение. Не обращая внимания на ледяной ожог воды, я погрузила обе руки в чёрную жижу и нащупала спасительный холодный брусок титана.

Я подняла его к глазам: сверхпрочный корпус выдержал огонь и удар. Защёлка держалась, корпус не разошёлся. Карта оставалась внутри! Прочитается ли архив, мы сможем проверить только в тепле, но я вырвала его из огня.

И в эту секунду за моей спиной раздался отчетливый металлический щелчок.

Щёлк-клик.

Звук взводимого курка пистолета Макарова.

Глава 3

Я похолодела. Мой взгляд метнулся к Аркадию: опер стоял ко мне спиной в десяти шагах, за стволом вековой лиственницы, спешно снаряжая патронами магазин карабина из запасной обоймы. Его руки были заняты, взгляд направлен на просеку — он не видел того, что происходило на берегу.

А из мутной жижи заводи, весь в тине и черном иле, бесшумно поднимался уцелевший Сиплый. Его перекошенное от ненависти лицо было залито кровью из разбитого носа. В вытянутой руке он сжимал черный ствол ПМ, целясь Аркадию точно под обрез затылка. Расстояние — пять метров. Опер не успевал обернуться.

Времени кричать не было — звук моего голоса лишь ускорил бы выстрел.

Я не думала. Тело сработало само, повинуясь первобытному инстинкту защиты того, кто только что заслонял меня от пуль. Под моими коленями лежал тяжелый, полутораметровый берёзовый сук с острым обломанным сучком на конце.

Я вскочила с колен и с диким, яростным криком всем телом, вкладывая весь свой вес и всю накопившуюся ненависть, швырнула это бревно прямо в лицо бандиту.

Тяжёлый комель с глухим треском врубился Сиплому точно в лоб и переносицу за долю секунды до нажатия на спуск.

Грянул запоздалый выстрел!

Пуля со свистом срезала кору над самым ухом Мельникова, уйдя в ночное небо. Сиплый взвыл от боли, выронил пистолет и отшатнулся назад, зажимая рассечённое в кровь лицо.

Аркадий с разворота в один слитный шаг сократил дистанцию и с чудовищной силой впечатал приклад КС в челюсть бандита. Раздался хруст кости, и Сиплый рухнул навзничь в прибрежный ил, раскинув руки в глубоком нокауте.

Опер тяжело перевёл дух, грудь его ходила ходуном. Он опустился на одно колено рядом с оглушённым боевиком, рывком расстегнул клапан подсумка и выдернул портативную рацию с длинной гибкой антенной.

— «Motorola GP-340», — хрипло констатировал Аркадий, щёлкнув тумблером.

Динамик рации зашипел помехами, а затем сквозь треск эфира отчётливо прорезался встревоженный голос дежурного диспетчера базы:

— Первый, ответь базе! Это диспетчер узкоколейки. Борт-04 задерживается из-за погоды. Перекройте блокпост «Лесная-7», беглецы уходят к сопкам через болото! Не дайте им выйти к железке!

Аркадий зафиксировал частоту: 148.5 МГц. Закрытый технологический канал синдиката. Он подобрал выпавший пистолет Сиплого, убрал его в свободный подсумок, спрятал трофейную рацию во внутренний карман, а затем повернулся ко мне.

Я стояла у кромки воды, сжимая в мокрых кулаках титановый кофр. Меня колотило крупной, неуправляемой дрожью — сказывался ледяной душ, пережитый ужас и дикий выброс адреналина.

Мельников подошёл вплотную. Его лицо, до этого казавшееся маской из камня, дрогнуло. Он бережно взял из моих оковеневших пальцев кофр, проверил защёлку и надёжно уложил его во внутренний нагрудный карман своего кителя — прямо напротив своего сердца.

Затем его сильные, горячие руки легли мне на плечи. Он притянул меня к себе, укрывая полую своей тяжелой брезентовой куртки от пронизывающего таёжного ветра, и шумно выдохнул мне в макушку:

— Ты спасла мне жизнь, Даша. Слышишь меня? Ты спасла меня. Теперь мы с тобой до конца. Никому тебя не отдам.

Я уткнулась лицом в его жесткую штормовку, чувствуя, как по щекам текут горячие слезы. В этом суровом таёжном мужике, пахнущем порохом, сосновой хвоей и студёным ветром, была такая монолитная, нерушимая сила, которой я не встречала ни в одном человеке за всю свою жизнь.

* * *

Снег повалил сплошной белой стеной, превращая наступающие сумерки в слепую молочную круговерть.

Ветер на открытом пространстве урочища Волчья Грива выл как голодный зверь, бросая в лицо колющие ледяные заряды. Болото здесь расстиралось бесконечной серой равниной: ковер рыжего мха зыбко колыхался под ногами, под тонким слоем мерзлоты таилась бездонная глубина черных торфяных омутов.

Аркадий шёл впереди, прощупывая наст толстой сосновой слегой. Но метель заметала видимые ориентиры, скрывая очертания сопки. Мы кружили на одном месте уже минут двадцать, и я видела, как в глазах опера нарастает глухое беспокойство: застрять в открытой мари ночью при минусовой температуре означало верную смерть от переохлаждения.

— Отец... — с трудом разжимая онемевшие губы, прошептала я, доставая из нагрудного кармана старый отцовский компас Адрианова на потертом кожаном ремешке. Стрелка бешено металась, реагируя на залежи болотной руды. — Отец учил меня, Аркаша... По левому краю урочища, там, где лиственницы скручены ветром, под мхом идёт песчаная жила — древнее русло ручья. Если держаться по кривизне их вершин на восток, выйдем на суходол к подножию сопки.

Аркадий вгляделся сквозь пелену бурана в едва различимые силуэты корявых деревьев, сверил направление по моим указаниям и с силой ударил слегой о грунт. Дерево отозвалось глухим, твердым стуком — под тонким слоем мха действительно лежала плотная песчаная коса!

— Ай да охотовед, ай да дочка! — сквозь гул ветра крикнул он, и в его голосе прозвучало неподдельное восхищение.

Мы двинулись по невидимому гребню. Но силы мои стремительно таяли.

Мокрая одежда на ветру затвердела, превратившись в гремящий ледяной панцирь. Каждый шаг давался с невероятным трудом, ноги в промокших ботинках потеряли всякую чувствительность — я ступала на две бесчувственные деревянные культи. Дыхание вырывалось из груди хриплыми всхлипами. Пальцы рук заоченели настолько, что я не могла их согнуть.

Внезапно резкая, жестокая судорога скрутила мышцы правого бедра. Нога подломилась, в глазах потемнело от острой боли, и я рухнула на колени прямо в сугроб. Попыталась опереться руками, но пальцы соскользнули по насту, и я уткнулась лицом в колющий снег. Сил подняться больше не было. Тело охватила обманчивая, сладкая истома — верный признак надвигающейся гипотермии.

Аркадий обернулся мгновенно. В два шага он оказался рядом, упал передо мной на колени в снег и поднял моё лицо за подбородок. Его ладонь сквозь перчатку жгла раскалённым железом по сравнению с моей заледеневшей кожей.

— Даша! Дашенька, посмотри на меня! Не спать! Слышишь меня, не смей закрывать глаза!

Я слабо повела головой, с трудом ворочая пересохшим языком:

— Аркаша... я не могу... Ноги не держат совсем. Иди сам... У тебя флешка... Дойди до своих...

— Замолчи! — оборвал он меня жестко, и в его глазах блеснул такой яростный огонь, что я невольно замерла. — Слышишь? Даже не думай об этом! Я опер, я людей на смерть не бросаю. А тебя — тем более на растерзание тайге не оставлю! Никогда!

Одним быстрым движением он стянул со своей шеи длинный, плотный шерстяной шарф крупной вязки, пахнувший его теплом, и бережно, с удивительной для такого великана нежностью укутал мою голову и шею, закрывая уши от свирепого ветра. Затем он подхватил меня под спину и колени и легко, точно я весила не больше пушинки, поднял на свои могучие руки, прижав к широкой груди.

— Держись за мою шею, — приказал он хрипло. — И дыши мне в ворот. Грейся.

Я обняла его за шею окоченевшими руками, прижавшись щекой к колючей щетине на его щеке, и зажмурилась. Сквозь толщу усталости и боли меня затопило незнакомое, щемящее чувство абсолютной защищенности. Метель ревела вокруг, но на его руках я знала: никакая сила в мире не способна причинить мне вред.

Впереди зашумела вода. Мы подошли к бурлящему, незамерзающему перекаату ручья Быстрый. Черная, ледяная вода с пеной перекачивалась через скользкие валуны. Форсировать его с грузом на руках было чистым безумием.

Но тут вперед выскочил Гром. Пес бесстрашно прыгнул в воду, нащупал лапами мелкую галечную косу и замер на середине потока, оглянувшись на хозяина.

Аркадий шагнул в ледяной поток след в след за собакой. Вода доходила ему выше колен, сбивала с ног, но он ступал уверенно, каждым мускулом удерживая равновесие и оберегая меня от брызг.

Когда мы выбрались на противоположный скалистый берег, свет его налобного фонаря скользнул по стволу могучего кедра.

На высоте человеческого роста на коре виднелась свежая охотничья затеска — глубокий срез топора с четко выбитой литерой «З».

— Затеска деда Матвея! — выдохнул Аркадий, и его голос дрогнул от торжества. — Заимка рядом! Двести метров вверх по гребню, Даша! Мы вышли!

И в этот момент снизу, со стороны лесовозной гати, донесся тяжелый треск ломающихся кустов и нарастающий гул моторов. Два мощных квадроцикла бандитов с ревом выскочили на суходол, лучи их прожекторов зашарили по откосам сопки, выхватывая стволы деревьев.

— Сюда пошли, следы к ручью вели! — донесся крик.

Аркадий бесшумно скользнул под гигантский навес корней вывороченной бурей столетней сосны, накрыв меня своим телом. Гром прижался рядом, не издав ни звука. Мы замерли.

Охотничье чутье и знание повадок врага не подвели Мельникова: бандиты на квадроциклах покружили у кромки берега, посмотрели на черные топи урочища, сквозь которые ревел буран, и один из них махнул рукой:

— Да ты че, в такую круговерть по болоту пешком не пройти! Утопли они там в трясине или замерзли наглухо! Погнали на базу, мороз к ночи под тридцать вдарит!

Рев моторов стал удаляться, огни фар растаяли в метели. Банда сняла оцепление. Оставался последний рывок.

Аркадий вышел из укрытия и начал крутой подъем по каменистой осыпи. Под его берцами с шумом осыпался мелкий щебень, мышцы ног гудели от предельного напряжения — нести взрослого человека в гору по снегу после многокилометрового марша и боя требовало нечеловеческой выносливости. Я слышала его тяжелое, хриплое дыхание, видела капли пота, замерзающие на его висках, но он не останавливался ни на секунду.

И вот осыпь осталась позади. Тропа вывела нас на ровную скальную площадку, укрытую от ветра могучими вековыми кедрами.

Сквозь круговерть снега впереди проступили глухие, основательные очертания бревенчатого сруба с крутой крышей и черной трубой. Заимка егеря Матвея стояла на краю обрыва, как неприступная таёжная крепость.

Я слабо приподняла голову и коснулась застывшими губами его мокрой от пота щеки:

— Мы дошли, Аркаша... Спасибо тебе...

Глава 4

Гром первым взлетел по низким бревенчатым ступеням крыльца и вдруг замер у прито-локи, утробно и глухо зарывчав. Шерсть на его загривке поднялась дыбом, нос чутко втягивал стылый воздух у замочной скважины.

Аркадий мгновенно напрягся. Бережно опустив меня на широкую лиственничную лавку под навесом крыльца, он перехватил карабин наизготовку. В таёжных разборках растяжка на двери или засада в пустой избе — обычное дело.

Луч подствольного фонаря медленно, миллиметр за миллиметром ощупал косяк, порог, щели между бревнами и низкую дверь из толстенных плах.

— Чисто, — выдохнул он, уловив ровный слой нетронутого снега на ступеньках. — Никого не было с первых заморозков.

Он обернулся к собаке:

— Гром, на гребень. Стереги.

Овчарка метнулась к каменистой гряде над ручьем и замерла там, прислушиваясь. Я сле-дила за её ушами: пока пёс молчал, у нас оставалось время.

Мельников шагнул к двери. Массивный кованый крюк, запиравший вход снаружи, намертво вмёрз в железную скобу — толстый слой прозрачной наледи намертво сковал металл. Аркадий рванул его рукой, но пальцы соскользнули по ледяной корке.

Тогда он вытащил из-за пояса тяжелый охотничий топор и коротким, выверенным ударом обуха ссадил лед со скобы. Звонкий металлический лязг расколол тишину. Крюк со скрипом поддался, тяжелая дверь распахнулась, обдав нас сухим, застоявшимся запахом сухой бересты, смолы и старого табака.

Аркадий подхватил меня на руки и занёс внутрь.

В избе царил полумрак, сквозь крошечное заиндевевшее оконце пробивался лишь блед-ный свет метели. Он осторожно опустил меня на широкие деревянные нары, застеленные сухим сеном и оленьей шкурой.

Я попыталась шевельнуться, но тело уже почти не слушалось. Меня бил непрекращаю-щийся, крупный колотун. Я едва могла говорить — челюсти сводило так, что зубы стучали с дробным звоном.

Аркадий щелкнул фонарем, осветив меня с ног до головы, и выругался сквозь зубы.

Я замерзала, и он это видел.

Мои трекинговые ботинки превратились в два куска гранита, шнурки заledenели в сплошной монолит. Брезентовая штормовка стояла колом, пальцы рук скрючились, побелев до восковой мертвенности. Аркадий достал из своего нагрудного кармана заветный титановый футляр флешки.

— Улики здесь, героиня, — Аркадий убрал кофр на полку над нарами. — Теперь зай-мёмся тобой.

Затем он выхватил охотничий нож. Осторожным движением лезвия он поддел и распорол мерзлые узлы на моих ботинках, не задев кожи, стащил оледеневшую обувь и сдернул мокрые насквозь шерстяные носки.

Увидев мои ступни, он помрачнел: пальцы были совершенно белыми, с мраморным синеватым отливом, и совершенно потеряли чувствительность. Прикосновение его пальцев я ощутила лишь как тупое давление где-то далеко.

— Совсем белые... — глухо сказал он. — Надо согреть тебя. И врача найти, как только выйдем. Сейчас — топить печь. Срочно.

Он метнулся к углу избы, где стояла круглая чугунная буржуйка на кирпичном основании.

Под нарами действительно обнаружилась аккуратная поленница сухих колотых березовых дров, заботливо уложенная старым егерем. Аркадий сунул в топку охапку бересты, щепу, набросал поленьев и чиркнул охотничьей спичкой. Береста весело занялась, но уже через три секунды клубы едкого, густого дыма повалили обратно в комнату через дверцу топки.

— Чёрт! Тяги нет! — рявкнул Аркадий, кашляя от едкой гари. Холодная труба не вытягивала дым.

Действовать надо было секундами — изба стремительно наполнялась удушливым чадом, а температура внутри была почти такой же, как на улице.

Аркадий не растерялся. Он с грохотом распахнул круглую заслонку-вьюшку в верхней части дымохода, скрутил в плотный жгут три больших листа сухой бересты, поджег его и буквально затолкнул пылающий факел прямо в жерло трубы.

Береста вспыхнула, осветив закопчённые пальцы. Аркадий кашлял, но держал её у трубы, пока дым наконец не потянуло вверх.

Печь моментально отозвалась мощным, басовитым, голодным гулом. Пламя в топке изогнулось и с ревом устремилось вверх.

Аркадий прикрыл топку, распахнул дверцу поддувала и лихорадочно принялся шарить по полкам над столом. Там стояла батарея жестяных банок из-под чая и консервов.

— Где-то дед держал запас... — бормотал он, сбрасывая пустые коробки. — Только бы не вывезли...

Его рука скользнула под нижнюю лавку, нащупав запыленный деревянный ящик. Оттуда раздался глухой стук стекла.

Аркадий извлек на свет тяжелую полуторалитровую стеклянную бутылку с притертой пробкой, доверху наполненную прозрачной жидкостью. На горлышке суровой ниткой был привязан клочок газеты, на котором химическим карандашом крупно и коряво было начертано:

«Аркаша! Спирт медицинский, чистый, 96 градусов. Дрова под нарами сухие. Держись, сынок, береги себя».

— Живем, Даша! — в голосе Аркадия прорвалось бешеное, горячее ликование. — Сам дед Матвей — Матвей Степанович, старый егерь Чернореченского лесничества — о нас позаботился!

Чугунные бока буржуйки начали наливаться тусклым малиновым жаром. В избе защелкали оттаивающие бревна, запахло сухим деревом, смолой и первым живительным теплом.

Аркадий поставил заветную бутылку со спиртом деда Матвея на край дощатого стола, шагнул к нарам и опустился на колени передо мной. Его широкие ладони дышали жаром топки.

Взгляд его серых глаз — тревожный, пронзительный и до боли нежный — встретился с моим.

— Я здесь, Дашенька. Держись за моё плечо. Сейчас снимем мокрое и укроем тебя. Я верну тебя к жизни.

Он наклонился ко мне, проверяя, слышу ли я его.

Я слабо приоткрыла потемневшие от усталости глаза. Взглянула в его суровое, иссеченное гарью и метелью, но такое бесконечно родное лицо, и мои непослушные, дрожащие пальцы из последних сил сжались на его горячем запястье.

Печь гудела, за окном выла сибирская выюга, а в полутемной избе деда Матвея начиналась главная битва — битва за моё спасение и за то новое, огромное чувство, которое уже невозможно было остановить.

* * *

Я попыталась пошевелиться на дощатых нарах, но собственное тело было чужим и непослушным, точно отлитым из холодного чугуна.

Ледяное оцепенение намертво сковало мышцы от ступней до поясицы. Стоило сделать чуть более глубокий вдох, как лёгкие обжигало колючим спазмом, а в груди поднималась глухая, вибрирующая дрожь, сотрясавшая всё моё существо. Я открыла рот, чтобы позвать Аркадия, сказать, что я держусь, что я не сдамся, но голосовые связки на морозе свело судорогой. Вместо слов с пересохших, потрескавшихся губ сорвался лишь тихий, сдавленный стон, больше похожий на птичий писк.

— Тише, Даша, тише, девочка... Я здесь, я рядом, — низкий, рокочущий голос Мельникова прозвучал прямо над моим ухом, разгоняя серый туман перед глазами.

Он стоял на коленях у края нар. В неровном багровом свете разгорающейся буржуйки его широкое лицо было строгим и сосредоточенным, ни единого лишнего движения. Он взялся за металлический замок-молнию моей брезентовой штормовки, но стальные зубья намертво вмёрзли в толстую ледяную корку — расстегнуть куртку было невозможно. Мельников на секунду замер, затем выхватил из ножен охотничий нож с широким матовым лезвием.

— Прости, куртку придётся резать. Здоровье дороже тряпок.

Остриё ножа легко и точно вспороло заledenевшие нитяные швы на плече и груди, не задев тела. Когда плотные створки брезента разошлись в стороны, на свет выскользнул мой нательный серебряный крестик на тонком шёлковом шнурке, а из бокового разреза на доски нар выпал промокший репортёрский блокнот в клеёнчатой обложке. Рядом звякнула найденная гильза, выпавшая из разрезанного кармана. Аркадий завернул её в отдельный пакет и убрал вместе с блокнотом. Его страницы промокли насквозь, но химический карандаш не растёкся — там были записаны показания охотников, координаты заброшенных шурфов и списки геологов партии Седых. Аркадий на секунду задержал взгляд на блокноте, бережно смахнул с него капли талой воды и убрал на сухую полку у изголовья:

— Всё сохраним, Даша. Ни одна строка не пропадёт.

Он отставил нож и взял со стола тяжёлую бутылку медицинского спирта, найденную в ящике под нарами. Притёртая стеклянная пробка намертво прикипела к горлышку от холода. Пальцы соскальзывали по заиндевевшему стеклу. Аркадий приставил обух ножа к кромке пробки и коротким, выверенным щелчком сбил притирку.

Звонкое «чпок» — и по избе мгновенно разлился терпкий, острый, всепроникающий спиртовой дух. Этот запах ударил в ноздри, я судорожно кашлянула, и в глазах наконец прояснилось.

Мельников отставил открытую бутылку подальше от печи и вернулся ко мне. Осторожно убрал последний мокрый край одежды; я схватилась за его плечо.

Холод встретился с огнём.

Его широкие, жёсткие, загрубевшие ладони поддерживали меня, пока я пыталась высвободиться из ледяной ткани. Ступни ныли; я вскрикнула, попытавшись спрятать ноги под оставшийся край мокрой кофты.

Аркадий сразу остановился.

— Больно? — спросил он уже тише.

Я кивнула, вцепившись в ворот его майки.

— Тогда не дёргаемся. Держись за меня, Даша. Слышишь? Не отдам тебя тайге.

Он помог мне снять мокрое, стараясь не задевать побелевшие пальцы. Я чувствовала твёрдую, как броня, мускулатуру его плеча и сквозь слёзы смотрела, как осторожно умеет двигаться этот огромный человек. Только бы добраться до врача. Только бы не потерять пальцы — и его руку, за которую я держалась.

Когда мокрые вещи были полностью сняты, меня снова заколотило мелкой дрожью. В избе было не больше нуля, изо рта всё ещё шёл пар, а сухого женского белья здесь, естественно, не водилось. Я инстинктивно сжалась в комок, пытаюсь прикрыться руками.

Аркадий посмотрел на меня. В его серых глазах читалась лишь строгая, предельная тревога взрослого мужчины за мою жизнь.

Не говоря ни слова, он взялся за подол своего тёмно-синего шерстяного свитера грубой домашней вязки, сдёрнул его через голову и остался в одной расстёгнутой майке. Широкими, уверенными движениями он осторожно натянул тяжёлый свитер на меня, продев мои непослушные руки в длинные рукава.

Свитер был огромным — его подол доходил мне почти до колен, а рукава закрывали ладони целиком. Он хранил в себе густое, концентрированное тепло его тела, пах сосновой смолой, пороховой гарью, ветром и тем особенным запахом сильного, надёжного мужчины, от которого во мне мгновенно растворились все остатки стыда и тревоги.

— Сейчас согреешься, — выдохнул он, поднимаясь на ноги.

Он шагнул к полатам под самым потолком сруба и снял оттуда две огромные оленьи шкуры. мех за долгие месяцы сырости и мороза заскоруз, став жёстким, как фанера. Мельников разложил их на кирпичном припечке, прогревая под лучистым жаром раскалившейся буржуйки, и принялся разминать шкуры сильными пальцами. Задубевшие складки шкур с мягким шуршанием расправлялись, наполняя избу сухим, дурманящим ароматом степной полыни и дублёной кожи.

Когда шкуры стали мягкими и шелковистыми, он вернулся к нарам и бережно, точно укутывал малого ребёнка, уложил меня на нижнюю шкуру, а второй накрыл сверху, подоткнув края под бока.

Вокруг меня образовался непробиваемый термос. Тепло печи, жар его свитера и густой мех сомкнулись в спасительное кольцо.

Слёзы сами покатались по моим щекам. Это были слёзы не от боли — меня накрыло колоссальное, ошеломляющее облегчение после смертельного бега по болотам, и одновременно жгучий страх: а вдруг я для него всего лишь обуза? Беспомощная девчонка из райцентра, которую он вынужден тащить на своём горбу вместо того, чтобы спастись самому?

Аркадий заметил, как задрожали мои мокрые ресницы. Он медленно опустился на край дощатого настила, положил свою тёплую, шершавую ладонь поверх моих переплетённых пальцев и тихо, веско произнёс:

— В тайге в одиночку не выживают, Даша. Запомни это раз и навсегда. Ты спасла меня на берегу протоки, когда выбила суком пистолет из рук Сиплого. Ты сберегла флешку, за которую люди Седых жизни отдали. Ты мне не обуза. Ты моя напарница. А своих напарников опер Мельников не оставляет никогда.

Его слова упали в моё сердце тяжёлыми, драгоценными слитками. Стена отчуждения рухнула. Я сжала его пальцы обеими руками, ощущая под кожей тугую пульсацию его вены, и впервые за эти кошмарные сутки почувствовала, что мы обязательно выстоим.

Глава 5

Буржуйка гудела ровным, сытым басом. По стенам лиственничного сруба ползли золотистые блики огня, по углам с тихим шелестом таял иней, оседая на мху крупными каплями.

Но тепло само по себе не могло вернуть мне растраченные силы. Желудок сводило от голода — последние сутки я бежала на одном адреналине, перехватив на бегу горсть мерзлой брусники. На полках у печи виднелись лишь пустые консервные банки да пара заплесневелых сухарей.

Аркадий подошёл к маленькому квадратному оконцу, затянутому толстым слоем ледяных узоров. Снаружи бесновалась настоящая сибирская пурга: ветер швырял в стекло пригоршни мерзлой крупы, в верхушках вековых кедров стоял сплошной глухой гул.

— В такую круговерть бандиты носа из вагончиков не высунут, — произнёс он, проверяя защёлку на кобуре пистолета. — Но нам нужны силы. Ты совсем обессилела; нам нужна горячая еда. Я сбегая к внешнему лабазу деда Матвея. Тут метров сто вниз по распадку к ручью. Там должен быть нетронутый запас.

Я приподнялась на локте, кутаясь в оленью шкуру:

— Аркаша, в такую метель? Заблудишься, следов не найдёшь!

— Не заблужусь, — он тепло улыбнулся краешком рта. — Тайга — мой дом родной. Гром остаётся с тобой. Гром, охраняй хозяйку!

Овчарка подняла массивную голову, понимая, ударила хвостом по полу и легла у самых нар, положив морду мне на ноги. Аркадий накинул свою штормовку, надвинул шапку до бровей и выскользнул в сени.

Сквозь щели между брёвнами доносился свист ветра. Минуты тянулись мучительно долго. Я гладила густую, тёплую шерсть пса, вслушиваясь в каждый звук снаружи, боясь услышать далёкий выстрел или рокот вездехода.

Я опустила ладонь на загривок Грома. Тёплая шерсть под пальцами помогала не сорваться и не броситься вслед за Аркадием.

Где-то там, в темноте заснеженного распадка, на высоком лабазе на лиственничных сваях Аркадий искал егерский схрон. Тревога сжимала горло: бандиты могли прочесывать склон, зверь мог выйти на запах жилья. Время тянулось томительно долго.

Вдруг Гром вскинул голову и тихо, утробно гавкнул в сторону сеней. На крыльце скрипнули мерзлые ступени — тяжелый, твердый шаг.

Дверь избы распахнулась, впуская клубы белого морозного пара, и я вздохнула с таким облегчением, точно с плеч свалилась каменная плита. На пороге стоял заснеженный Аркадий. Брови и щетина его заиндевели, но глаза сияли торжеством.

Он шагнул к столу, сбросил заснеженный мешок и бережно извлёк из него тушку крупного зайца-беляка, а затем — тяжелый продолговатый свёрток:

— Добыл! В старую проволочную петлю деда Матвея у сосны беляк влетел — будет нам свежее мясо для наваристого бульона. А на лабазе, в оцинкованном ящике лесничества под тушенкой, вот что лежало на самом дне... Гляди, Даша.

Он осторожно размотал пропитанную машинным маслом дерюгу. Передо мной легла массивная общая тетрадь в тёмно-коричневом переплёте из натуральной юфти с золотым тиснением на обложке:

«Геологическая партия № 4. Полевой журнал начальника партии Вадима Ивановича Седых».

У меня перехватило дыхание. Я протянула дрожащие пальцы и раскрыла толстую тетрадь. Страницы пахли пылью, порохом и сыростью. Они были исписаны убористым, четким почерком начальника геологов: геологические разрезы, схемы шурфов, пробы грунта... Но начиная с середины тетради записи сменились сухими, страшными протоколами:

«14 августа. В урочище Медвежьего ручья вошла группа Косарева. Тяжёлая техника без маркировок. Требуя передать карты золотоносной жилы. Мы отказались...»

«22 августа. Буровик Ветров ранен при попытке уйти в райцентр. Нас заперли в штольне № 3...»

А на самых последних страницах химическим карандашом, с нажимом, ломавшим грифель, были выведены фамилии и даты переводов:

«Куратор разработки в областном центре — заместитель природоохранного прокурора области Виктор Андреевич Савельев (советник юстиции) (позывной „Борт-04“). Лично прикрывает вывоз шлихового золота на ведомственном Ми-8. Деньги передаются через инспекторов лесного надзора...»

— Савельев... — медленно, с ледяной яростью в голосе прочитал Аркадий через моё плечо. — Зампрокурора области. Вот чьи вертолёты кружили над прииском. Вот почему мои ориентировки в областном главке ложились под сукно! Они не просто бандиты — у них крыша на самом верху юстиции!

— Нам нужно сохранить эти схемы! — я лихорадочно перевернула страницу, на которой была начерчена подробнейшая карта нелегального карьера с указанием минных полей, штолен и узкоколейки. — Аркадий, твой телефон! Сфотографировать страницы в высоком разрешении!

Мельников достал свой кнопочный защищённый служебный аппарат, но экран был тёмным — литиевая батарея полностью разрядилась на морозе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.